

Анастасия Калько

Город, где ничего не случается

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
К17

Калько А. А.

Город, где ничего не случается / Калько А. А.; худ. Калько А. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 213 с.

ISBN 978-5-532-96083-1

Да, очень весело начинается отпуск у журналистки Вероники Орловой! Вместо того, чтобы мирно отдыхать в уютном городке Краснопехотское, девушка оказывается в эпицентре очередного журналистского расследования. Но не может же она пройти мимо того, что разворачивается за идиллическим фасадом "городка, где ничего не случается"! Да еще это настойчивое влияние местного "олигарха" Виктора Морского - какие цели он преследует? Вероника и ее друг, адвокат Наум Гершвин, все ближе подходят к разгадке тайны Краснопехотского...

ISBN 978-5-532-96083-1

© Калько А. А., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Посвящается моей подруге Наде Савченко, ее сестре Вере, их матери Марии Ивановне, и моим родителям – Галине и Александру Калько.

Отдельная благодарность:

Наталье Христич – за полезные советы, которые помогли сделать текст лучше;

Виктору Шадрину – за то, что именно его игра на сцене театра вдохновила меня на создание образа Виктора Морского;

Персоналу гостиницы «Эдем» в городе Красногвардейское (Крым)

Уважаемой семье Готовчиковых, ставших прототипами дяди Коли и тети Светы из «Рассвета».

Все персонажи, события и некоторые населенные пункты, названные в книге, – вымышленные. Любое сходство с реальными лицами, событиями или населенными пунктами является случайным. – /Автор/

"Да, весело начинается долгожданный отпуск, – Вероника Орлова поправила на плече ремень тяжелой сумки, безнадежно слушая объявление по вокзальному радио. Если бы она знала, что подряд две электрички в нужном направлении отменят, то лучше бы поспала лишних два часа, чем мчаться на вокзал в четыре часа утра. – Вечно я страдаю по доброте душевной!"

Маршрутные такси и машины предприимчивых частников брали штурмом, не торгуясь. Несмотря на раннее утро, вокзал был многолюден и суетлив. К трем открытым кассам из десяти змеились огромные очереди. Люди спорили до хрипоты, разбираясь, кто за кем занимал. То там, то сям вспыхивали раздраженные стычки. Дети с воплями и гиканьем носились повсюду, падали, ревели или канючили, и получали шлепки от невыспавшихся злых мамаш. Кто-то ругался с киоскершей, не желающей продавать пиво до 8 часов. Неустанно бубнило радио, но большинство слов диктора тонуло в общем вокзальном гуле.

Ника выбралась из толчеи возле кассы с билетом на 10 часов утра в руках. Итак, еще два часа ждать...

Девушка осмотрелась в поисках свободного сидячего места, но, увы, они были давно и прочно заняты. Вокруг громоздились чемоданы, тележки и детские коляски. "И пытаться не стоит!".

"Блин! – Ника поморщилась: ремень сумки еще сильнее врезался в плечо, впечатывая в тело бретельку лифчика и шов футболки. – Отъедешь километров на двести от Питера, и как будто попадаешь в другое время и в другой мир! И электричка мне досталась не "Ласточка"... – перебросив сумку на другое плечо, она потрясла тяжелой от недосыпа и сутолоки головой и прошла по вокзалу в поисках чего-нибудь, что могло бы скрасить ожидание.

Кафе было еще закрыто; газетный киоск – тоже, но к ним уже выстроились очереди ожидающих. К магазинчику с продуктами и напитками тоже стекались со всего вокзала, и "хвост" потянулся даже на улицу, как в "Столовых № 1" на Невском.

"Ясно, – Вероника безудержно зевнула. – Хоть кофе-автомат тут работает?"

Автомат работал. Подивившись низким ценам (в Питере таких давно нет), девушка бросила в приемник несколько монеток и получила стаканчик растворимого, но зато – крепкого и горячего кофе. Напиток согрел ее и немного разогнал сонное оцепенение. В "Ласточке" из Питера поспать не удалось – напротив расположились очаровательный гиперактивный малыш и его хлопотливая бабушка, то и дело звучно целующая озорника в перерывах между замечаниями соседям: "Вы что, не видите, что здесь ребенок?! Что вы хотите, он же маленький, ему скучно!". Непрестанная возня мальчугана и громкий голос его бабушки не дали Веронике даже вздремнуть до самой конечной станции. Там Вероника поспешила к пригородным кассам, с облегчением увидев краем глаза, что пожилая дама с малышом скрывается в дверях "Выход в город". Но электричку, на которую она рассчитывала успеть, отходящую в 06.08, отменили из-за каких-то сбоев на электростанции. Следующая, в 07.40, тоже не отправилась.

Вероника отошла в сторону от бурлящего человеческого моря, села на дорожную сумку (благо, она никогда не брала в дорогу то,

что могло разбиться или сломаться) и закурила. "Да, засада... Но раз уж я пообещала маме, я должна сдержать слово!".

Разговоры о том, что недавно установленный памятник на могиле ее родителей надо бы привести в порядок и "облагородить", а ей уже не под силу такая длинная и тяжелая дорога, Татьяна Ивановна Орлова заводила уже не в первый раз. И в самом деле, весной ей исполнилось 80 лет, и дочери, Ника и Вика, старались максимально освободить маму от нагрузок.

Татьяна Ивановна вышла замуж после сорока лет, и ее дочерям было только 35 и 33 года. Старшая, Вероника, работала спецкором "Невского Телескопа" и успела сделать себе имя в Питере и Ленобласти за счет ряда успешных журналистских расследований. Виктория стала программистом, проектировщиком систем защиты предприятий и жилых помещений и технологии "умный дом". Сейчас она как раз занималась усилением безопасности в офисе одного из петербургских политических деятелей; работа была срочной, заказчик не скупился на гонорар и обещал надбавку за оперативность, а у Вероники как раз начинался отпуск и девушка пообещала маме, что непременно съездит в Краснопахотское, откуда были родом ее родители, и приведет в порядок памятник.

— Жаль, что Новоминская сейчас почти обезлюдела, — грустно сказала мама, — я помню село в его золотое время, совхоз процветал. А сейчас хоть вообще не заезжай, одно огорчение.

— А я все-таки постараюсь зарулить, — Вероника листала атлас Ленобласти, намечая маршруты. — Профессиональное любопытство!

Чем больше стрелки приближались к десяти часам, тем внимательнее Вероника вслушивалась в объявления. Не отменят ли и эту электричку? Тогда следующей придется ждать до пяти часов вечера. А ей хотелось поскорее добраться в Краснопахотское, снять номер в привокзальной гостиничке, принять душ, поесть и отдохнуть, чтобы завтра утром со свежими силами выехать в Новоминскую, село в

тридцати километрах от Краснопахотского, где жили, а теперь были похоронены дедушка и бабушка.

"Эх, разве на работе я обращаю внимание на неудобства? Преспокойно могу двадцать дней из тридцати рассекать по всей области и даже Карелии, спать на боковушке в плацкартнике, всю ночь сидеть над статьей, чтобы к утру отдать ее ответсеку и прекрасно себя чувствовать, а тут всего одну ночь не поспала, и уже голова чумная. Может, это работа придает мне сил: ради успешного расследования я готова терпеть любые трудности и не замечаю неудобств. Наверное, права Лилька: лучше всего я себя чувствую, когда загружена работой по уши. Прямо хоть ищи тему нового расследования, чтобы быть в тонусе! Но искать ее сейчас придется долго: в Краснопахотском ведь никогда ничего не случается. Мама рассказывала, что там всегда все спокойно и мирно. Нет ни гопников, ни шпаны, и даже бандитских разборок в 90-е почти не было. "Конкретным пацанам" там просто нечего делать: ни алмазов, ни нефти, ни секс-трафика, ни "окна" через границу. И даже наркобизнес там не развернешь: всё ведь на глазах. Топи да болота... Максимум, что я там могу нарыть, – это продавщица, не доливающая пиво после отстоя пены, или хозяин АТП, накинувший 5 рублей к стоимости проезда в городском автобусе!" – Ника бросила в урну уже третий стаканчик из-под кофе. Она бы с удовольствием что-нибудь съела, но возле кафе, магазинчика и киосков по-прежнему тянулись очереди, а до электрички оставалось всего 20 минут. Так что запастись едой она уже не успевает.

На табло побежали строки, высветилось сообщение, что электричка №... прибывает на шестой путь к третьей платформе. "Ура, еще час, и я на месте!" – Ника проворно подхватила сумку и поспешила к переходу, чтобы успеть занять место.

Коренастая девушка с мальчишеской стрижкой, красивым точеным лицом и яркими синими глазами, в широких черных джинсах и такой же просторной куртке с эмблемой группы "Алиса" на спине, громко топающая тяжелыми черными бутсами, с первого взгляда напоминала парня.

– Сынок, который час? – громко спросил идущий навстречу пенсионер с тележкой.

– Девять сорок пять, – обернулась Ника, и мужчина увидел ее мягкие черты лица, пышную грудь, обтянутую курткой, и тонкое запястье, украшенное массивными "командирскими" часами (подарок отца на двадцатилетие).

– Спасибо, дочка... Э, да вас и не поймешь, кто есть кто, – усмехнулся своей ошибке пенсионер, – все одинаковые, как с инкубатора!

Смеясь, Вероника вышла на платформу как раз когда из депо нехотя, с ворчанием вытягивалась электричка, пыльно-зеленая, с круглоглазой недовольной мордочкой. Через тусклые стекла Ника увидела деревянные скамьи и решетчатые полки для багажа. В Питере таких электричек уже давно не осталось, их сменили новые – обтекаемой формы, с узкими "японскими" фарами и пневмодверями; в их салонах пахло новеньким пластиком и свежим кожаном. А по специальным рельсам бойко сновали красавицы-"Ласточки", развивающие скорость до 200 километров в час, и там к ароматам новизны примешивался еще и запах вкусного кофе и сладких булочек, которые разносили на тележках приветливые молодые люди в бордовой форме. А сейчас Ника словно вернулась лет на тридцать назад, вдохнув в салоне запах натруженного металла, смазки и полированного дерева, ни с чем не сравнимый и неповторимый. Тогда она с родителями пару раз ездила в Краснопахотское... На вокзале мама непременно покупала ей – "за то, что хорошо себя вела в дороге, не шалила и не капризничала" – упоительно вкусный пломбир в бумажном стаканчике с зеленым кругляшом сверху. Вероника с удовольствием выковыривала мороженое деревянной палочкой. А потом они садились на голубой в полосу круглый автобус и ехали в Новоминскую, где в доме маминых родителей жили ее старшая сестра, Светлана Ивановна, и ее муж дядя Сеня. Поездка к ним была увлекательным приключением для Ники. После родного двора-колодца, гранита и арок девочку захватывала новизна просторного двора, фруктовых деревьев и животных, которых можно было увидеть вблизи и даже потрогать. Можно было помочь тете Свете подоить корову, сходить в курятник и принести несколько еще теплых яиц для потрясающе вкусного омлета; поиграть с котятками тетиной черно-белой Марыськи; поездить верхом на ленивом тол-

стом Бобике, который очень дружелюбно относился ко всем детям, а Нику вообще обожал и слушался ее, как ягненок. Как давно это было!

За окном мелькали ярко-зеленые луга, гладкие, как зеркало, озера, высокие тонкие деревья, похожие на вечно сидящих на диете фотомоделей. Небольшие чистенькие деревушки, полустанки с номером того или иного километра и платформами не больше Вероникиной кухни на "Парнасе"... День был неплохим, солнце почти разогнало лохматые серые облака и вольготно расположилось в ярко-синем небе. "А зонтик и плащ я не зря взяла – могут понадобиться в любой момент. Стоит только их забыть, тут же промокнешь, как кура!"

"Даже у Лильки в "Мадриде" больше шансов вляпаться в историю, – Вероника поерзала на жесткой скамейке и достала смартфон. Сеть, хоть и слабенькая, но была. – А Краснопехотское похоже на городок из "Безымянной звезды", где никогда не останавливаются скорые поезда!"

Девушка отправила СМС подруге в Мариенбург, и через пять минут пришел ответ: "Ясно, а я все так же, на работе. Хорошей поездки!"

"Как давно я здесь не была!" – подумала Вероника, стоя на утопающей в зелени и цветах платформе и глядя через рельсы на привокзальную площадь с киосками, Чебуречной и двухэтажным приземистым зданием из красного кирпича, где мирно уживались магазин медтехники, гастроном и гостиница с пафосным названием "Мон-репо".

Вероника надела солнечные очки, поправила козырек черной кепки и размашисто зашагала через переход на площадь. Из открытого окна чебуречной потянуло такими упоительными ароматами горячего мяса, теста и расплавленного сыра, что рот тут же наполнился слюной, а в желудке жалобно заурчало. "Устроюсь в номере и – завтракать! После вокзального кофе у меня разыгрался волчий аппетит!"

Вероника снова потыкала пальцами в виртуальные клавиши смартфона. Номер владельца "Монрепо" был сохранен в его памяти. Услышав, что девушка желает снять номер, хозяин ответил, что незамедлительно пришлет своего сына, который устроит постоялицу в одноместную комнату.

Ожидая хозяйского сына, Вероника побродила туда-сюда вдоль фасада здания и прилегающего к нему пыльного строительного забора, и почитала расклеенные на нем объявления: "Дрова с доставкой на дом", "Утепление дома", "Ветеринар". Потом вошла в незаметную на фоне броской вывески "Медтехника" дверь и оказалась в узком коридоре с дверями друг против друга. Справа шла лестница на второй этаж. Слева был спуск на цокольный этаж, где располагались пустая стойка рецепшен, пожарный щит и инструкция для приезжающих. Вероника прочла ее и хмыкнула: "Прогресс добрался и сюда. В прошлый раз в номерах еще можно было курить!". В "Монрепо" явно недавно сделали ремонт; стены были декорированы в приятных ореховых тонах, ламинат "под карельскую березу" приятно гармонировал цветом со стенами, цветы в кадках и кашпо – свежие и ухоженные, и пахло в коридоре приятно – чистотой и хвойной отдушкой. В гостинице стояла тишина, словно в "Монрепо" не было других постояльцев.

Чтобы скоротать время, Вероника взяла забытую на подоконнике бесплатную газету и начала листать.

Всю первую полосу газеты занимало интервью с неким Виктором Морским, разглагольствующем о благотворительности, открытии кризисных центров и бэби-боксов в Ладожске и области. Тогда, как он считал, жертвы домашнего насилия или люди, лишившиеся крова, получают шанс начать новую жизнь, а ненужных младенцев перестанут выбрасывать в мусорные баки или в реку. "Спасая одну жизнь, мы спасаем целый мир", – не совсем точно процитировал он в конце интервью. "Наверное, не за горами местные выборы, – подумала Вероника, – и он заранее готовит почву. Неплохой ход, надо сказать. Тут сильнее развиты семейственность и взаимовыручка, чем в больших городах, и люди скорее поверят кандидату, который охотно протягивает руку помощи обездоленным и несчастным и

заботится о детях, – она посмотрела на фотографию под заголовком статьи. Морской выглядел еще совсем молодым, не старше тридцати лет, русоволосый, с небольшим "хвостом" на затылке, лицо красивое, но немного постное, а в серых глазах – цепкий стальной блеск деляги. Потом она бегло просмотрела оставшиеся полосы. Ничего особенного, обычная бесплатная газета в небольшом городке: сообщения о полеводческих работах, репортаж о спартакиаде юных шахматистов, фото двух новых машин "скорой помощи", подаренных местной больнице. Возле беленого одноэтажного здания медпункта, построенного явно еще в пятидесятые годы, сверкающие фургоны смотрелись, как инопланетные корабли. Все та же реклама. А вот и нужное ей объявление: служба такси, готовая в любое время суток доставить клиента в любую точку Краснопахотского и окрестностей по разумной цене. Вероника вбила номер в свой смартфон, и тут увидела в окно, что к гостинице спешит парень лет двадцати пяти. Не по возрасту строгое выражение лица, папка под мышкой. Ника предположила, что это и есть сын хозяина "Монрепо", и не ошиблась. Через минуту стукнула входная дверь. Простучали быстрые шаги к рецепшен.

– Извините, что заставил вас ждать, – сказал молодой человек, открывая регистрационный журнал. – Ездил в СЭС. Нужно было срочно отвезти им кое-какие справки... Ваш паспорт, пожалуйста.

Ей дали номер на втором этаже, выходящий окном на запад, а это значило, что почти не заходящее в июне солнце не будет беспокоить Веронику по утрам. В небольшой комнатке, тоже отделанной в бежево-ореховых тонах, было все, что необходимо для комфортного проживания: кровать, столик, кресло, две полки, тумбочка. На полу лежал не новый, но чистый и яркий ковер. В изножье кровати пристроился запечатанный пакет с постельным бельем, полотенцами и туалетными принадлежностями в маленьких тюбиках и флакончиках. Санузел был общим, в конце коридора, но все тоже обрадовало чистотой и новизной.

Разобрав вещи и застелив постель, Вероника задумалась, чего она больше хочет – прилечь или поесть. При воспоминании об арома-